

*Гиният КУНАФИН,
профессор, член-корреспондент
Академии наук Республики Башкортостан*

Башкирско-казахские культурно-литературные связи в XIX — начале XX века

Башкирский и казахский народы объединяют общие исторические, этнические, языковые и культурные корни, уклад жизни, традиции и вера. На протяжении многих столетий эти народы поддерживали многосторонние связи. Поэтому для целостного, объективного восприятия их истории, социально-экономической, культурной жизни необходимо системное и подробное изучение этих многосторонних отношений. По мере изменения социально-экономической, политической обстановки в Башкортостане и Казахстане менялся характер и уровень взаимоотношений двух родственных народов. К сожалению, этот многогранный, сложный процесс, отдельные аспекты которого хотя и нашли в той или иной степени отражение в научной и художественной литературе, до сих пор не стал объектом специальных монографических исследований. Этот материал посвящен краткому освещению вопроса о культурно-литературных связях двух родственных народов в XIX — начале XX века.

Как известно, до XIX в. Казахстан разделялся на три жуза: старший, средний, младший. В разные периоды контакты башкир с ними были разной степени. Наибольшее соприкосновение с башкирами имели казахи Младшего жуза. События, связанные с переходом казахских жузов под протекцию России, стали переломными в истории башкирско-казахских отношений. В XIX — начале XX века, в условиях проживания башкирского и казахского народов уже в едином экономическом и политическом пространстве, усилились не только торгово-экономические, но и культурные связи. В эту эпоху г.Оренбург превратился в один из крупных центров науки, образования и культуры, способствующий развитию в светском, народно-демократическом направлении духовной жизни башкир, казахов, татар и других народов, населяющих обширный одноименный край. Особенно большую роль в этом процессе сыграло Неплюевское военное училище, созданное в 1825 г. (с 1844 г. — кадетский корпус). К середине 40-х годов по 8-летней программе в нём обучалось около 60 детей нерусской национальности (башкиры, казахи, татары, мишари и др.). Именно из среды выпускников этого учебного заведения вышли крупные творческие деятели (Мирсалих Биксурин, Ибрай Алтынсарин, Мухаметсалим Уметбаев, Абубакир Диваев и др.), ориентирующиеся на передовую европейскую и русскую культуру, выступающие против средневековой идеологии, духовно-мыслительного застоя, за обновление общества на демократической основе, за развитие экономических и культурных связей народов. В этом отношении заслуживают внимания идеи

первых башкирских просветителей Мартиниана Иванова (1812—?, крещеный башкир Кумрык-Табынского рода), Салихьяна Кукляшева (1811—1863), Мирсалиха Биксурина (1819—1903). В период работы в качестве преподавателей вышеуказанного военного училища (кадетского корпуса) впервые в истории отечественной тюркологии они поднимали вопрос о реформировании старого письменного языка тюрки, игравшего в течение многих веков функцию общего литературного языка для тюркских народов, искали пути теоретического обоснования и практического решения этой проблемы. Они хорошо понимали, что без сближения этого старого письменного языка с народно-разговорным языком трудно обеспечить нормальное развитие национального самосознания, национальной культуры и литературы, отвечающих требованиям современности. Так, в своём труде «Татарская грамматика» (1842) и литературном сборнике «Татарская хрестоматия» (1842) М.Иванов, подразумевая под понятием «татарский», как он сам писал, языки носителей «оренбургского наречия» — башкир, татар, казахов, весьма настойчиво высказал мысль о необходимости создания понятного этим народам письменного литературного языка. Основу создания нового, понятного широким народным массам языка он видел в фольклоре. Преследуя цель создать именно на понятном народным массам языке книги, он глубоко интересуется фольклором башкирского, татарского и казахского народов, стремится показать сходства и различия их языков на фонетическом и морфологическом уровнях, включает образцы их устного творчества в свою хрестоматию. А его коллега С.Кукляшев в своём учебно-популярном сборнике «Татарская хрестоматия» («Диван хикаяте татар», 1859) идёт дальше: изучив языки тюркских народов, как он писал, «известных под общим названием тюрки»¹ делит их на три группы — чигатайская, татарская и турецкая. В татарскую группу тюркских языков он включает татарский, башкирский, казахский, ногайский, кумыкский, карачаевский, каракалпакский и мишарский языки, в сравнительном плане даёт общую оценку состоянию языковой культуры тюркоязычного населения Оренбуржья — башкир, казахов и татар. В своих творческих поисках С.Кукляшев во многом следует идейным устремлениям раннего российского просвещения. В частности, опираясь на теорию «трёх штилей» М.Ломоносова, он делит язык тюрки того времени, выполняющего и для носителей «оренбургского наречия» — башкир, казахов и татар — функцию письменного литературного языка, на простой, канцелярский (деловой) и научный (книжный) стили. В своей хрестоматии фольклорные и литературные материалы этих народов, а также персидского, арабского и русского народов, он располагает в соответствии с этим делением.

Большую лепту в укрепление культурных и литературных связей двух родственных народов, в развитие их общественно-политической, научной и художественно-эстетической мысли, в пропаганду их духовного богатства внёс учёный-педагог, публицист, сотрудник Русского географического общества, действительный член его Оренбургского отделения генерал-майор Мирсалих Биксурин, награжденный за свою многогранную деятельность пятью орденами и медалями России. Он первым среди коллег-современников перешагнул традиционные рамки официальной науки, вынеся понятия «башкорт», «казах» на титульный лист своей книги «Начальное руководство к изучению арабского, персидского и татарского языков с кратким объяснением существующих в Оренбургском крае наречий башкир и киргизов (казахов. — *К.Г.*) и с приложением к нему русско-персидско-татарских слов, разговоров и прописи» (1859, 2-е изд.

¹ С.Кукляшев. Диван хикаяте татар (Татарская хрестоматия). — Казань, 1859. — С.2.

1869). В ней, наряду с алфавитами арабского и персидского языков, учёный-педагог даёт в арабской графике алфавиты татарского, башкирского и казахского языков, правила их орфоэпии; в разделах «Примеры для чтения на башкирском наречии», «Примеры для чтения на киргизском (казахском. — **К.Г.**) языке» размещает образцы фольклора и литературы этих народов, впервые с сохранением особенностей башкирского разговорного языка публикует произведение «Сказка о смелом царе». При этом к произведениям фольклора он подходит дифференцированно, с учётом их жанровой природы: в качестве примеров башкирского, татарского языков приводит в основном сказания, сказки, пословицы и поговорки, а казахского языка — иртык (героическое сказание, эпос)². Во второе издание своей книги, переработанное им после участия в качестве переводчика в походе русской армии в Туркестан, М.Биксурин добавляет «наречия» и образцы фольклора «бухарцев... и жителей Туркестана».

Укреплению многосторонних контактных связей башкирского, казахского и других тюркоязычных народов М.Биксурин способствовал и своими публицистическими статьями на социально-экономическую, политическую и культурную темы, написанными им во время работы переводчиком в 1856, 1866—1867 и 1871—1873 годах в Средней Азии. В 1872 году он издал их в Казани отдельной книгой под названием «Туркестанский край». В ней М.Биксурин критикует религиозный фанатизм, схоластическую систему обучения, считая их главным злом на пути общественного, экономического и культурного развития края, ратует за обучение мусульманских девочек наравне с мальчиками, за распространение среди народных масс светских знаний, выступает за внедрение достижений науки в промышленность и сельское хозяйство. Развитие торговли, укрепление и расширение экономических и культурных связей между народами, по его мнению, являются одним из главных факторов в повышении их уровня культуры и благосостояния. М.Биксурин выступает за капиталистическое развитие, призывает подготовить народ к восприятию новых общественных отношений, для чего необходимо усилить культурно-просветительскую работу, пропаганду светских знаний.

Следует сказать также, что М.Биксурин, будучи преподавателем восточных и родных языков (1844—1878) Неплюевского кадетского корпуса и одновременно преподавателем русского и казахского языков (1850—1869) школы, открытой для казахских детей при Оренбургской пограничной комиссии, внёс значительный вклад и в подготовку казахских национальных кадров. Он был устазом-наставником будущих видных башкирских и казахских просветителей М.Уметбаева, И.Алтынсарина, А.Диваева.

В истории башкирско-казахских литературных связей неизгладимый след оставил видный башкирский поэт-просветитель Мифтахетдин Акмулла (1831—1895), жизненная и творческая судьба которого теснейшим образом связана с казахской действительностью. В Казахстане он оставил добрый след не только как талантливый поэт-сэсэн, поэт-акын, но и как прогрессивный мулдаке (учитель) и мулла, поборник обучения и воспитания казахских детей на родном языке, стремящийся объяснить им, как писал в одном из своих стихотворений, «смысл на языке родном». «Простые казахи полюбили правдивого учителя, искреннего

² См.: М.Биксурин. Начальное руководство к изучению арабского, персидского и татарского языков с кратким объяснением существующих в Оренбургском крае наречий башкир и киргизов и с приложением к нему русско-персидско-татарских слов, разговоров и прописи». Казань, 1859. — С.49—53.

поэта, признали его высокопочитаемым образованным человеком»³. Именно за искренность, честность, правдивость, высокообразованность казахский народ дал ему имя Акмулла. Следует сказать, что демократические взгляды поэта и учителя в вопросах языка обучения детей нашли непосредственное отражение и в его творчестве. Большинство своих стихотворений он написал на тюрко-башкирском письменном языке, а произведения, созданные в Казахстане, написал на тюрко-казахском языке. В «Оде в честь Шигабутдина Марджани» об этом поэт скажет так:

Написал я на казахском вполне ясно,
Заставляя сердца завистников огорчиться⁴.

(подстрочный перевод)

В своих стихотворных посланиях-мактубах, стихотворных обращениях-хитабах и айтышах «Исангильде Батучу», «Обращение к друзьям», «Бикмухамету, сыну Карыя», «Карагызу Барлыбаю», «Нуржану», «Открытое письмо Нургали-хазрету», «Ибраю Теляву», «Сырским кипчакам», «Поэтическое состязание с Нуруч-акыном» и других поэт, «наставляющий свой язык к правдивому пути» («Язык»), призывает братский казахский народ к просвещению, экономическому и культурному прогрессу, с рвением освоить научно-технические и духовные достижения других народов. В них зазвучал голос нового героя, борющегося за гуманизм и справедливость, интеллектуально-нравственное и культурное совершенство людей, за дружбу народов. М.Акмулла по-настоящему превратил поэтическое слово в мощное орудие для дальнейшего роста национальной культуры и самосознания башкирского, казахского и других тюркских народов России, в важнейший источник идейно-эстетического, нравственного воздействия на них.

В конце XIX — начале XX веков в укреплении и развитии контактных культурно-литературных связей мусульманских народов, в т.ч. башкирского и казахского, большую роль сыграли медресе повышенного типа, открытые в Оренбурге («Хусайния»), Троицке («Расулия») и Уфе («Гусмания», «Галия») и снискавшие большую известность не только в Урало-Поволжье, но и за его пределами. Учиться приезжали не только башкиры и татары, но и казахи, киргизы, узбеки, туркмены, азербайджанцы, черкесы, крымские татары и др. Они получали добротные по тем временам знания по точным и гуманитарным наукам. Многие из них принимали активное участие в общественной жизни, после завершения учёбы становились видными деятелями национальной культуры и науки. Например, казахские шакирды медресе «Галия» настойчиво требовали организации газет и журналов на родном языке, выражали протест против обучения их по татарским учебникам. В своих воспоминаниях о казахском писателе Баимбете Майлине профессор К.Д.Джумалиев приводит слова бывшего шакирда Майлина: «Учился я в медресе «Галия». Вместе со мной учились Г.Мустафин, Н.Манаев и др. Решили мы выпускать рукописный журнал «Садак» («Лук»). Кто написал стихи, кто очерк, всё переписали набело и сдали в библиотеку. Был такой порядок: сначала читали библиотекари, и если одобряли написанное, рукописный журнал скреплялся библиотечной круглой печатью и выставлялся для всеобщего обозрения и чтения. Конечно, мы волновались. «Садак» наш понравился библиотекарям, и вскоре, к нашей радости, мы его увидели на стенде. Узнав об этом, мы возликовали, прибежали в библиотеку. А там нас ждало большое огорчение. Два студента-татарина, занимавшие националистические позиции,

³ А.Харисов. Литературное наследие башкирского народа. — Уфа, 1973. — С.283.

⁴ М.Акмулла. Стихотворения. — Уфа, 2006. — С.36 (на башк. яз.).

подняли большой скандал. «Зачем, — говорят, — в татарской школе издавать казахский журнал? Пусть, — говорят, — и казахи пишут по-татарски!»...

...Майлин и его друзья уберегли журнал от наскоков националистов»⁵.

Татарский учёный Ямал Валиди резко выступил против таких устремлений казахских шакирдов, возражал против всякого национального самоопределения. В своей статье «Раздоры нации» он «коснулся и башкирского языка, не признавал его самостоятельности и пытался доказать, что это — один из диалектов татарского языка»⁶. В противовес таким измышлениям выступили видный татарский писатель Г.Ибрагимов, башкирский поэт Ш.Бабич.

В этот период казахская земля была и материальным, и духовным источником для многих башкирских творческих деятелей. Хорошие всходы дало на этой обширной благодатной земле многогранное научное и литературное творчество выпускника Неплюевского кадетского корпуса, уроженца дер. Тугай Стерлитамакского уезда Уфимской губернии Абубакира Диваева (1855—1933), научно-педагогическая и литературная деятельность уроженца Минзелинской волости Уфимской губернии Кашшафетдина Шагимарданова (1840—1910). Они собирали и публиковали на родном и русском языках многочисленные образцы фольклора казахского, узбекского, каракалпакского, киргизского народов, на их основе и на основе творческой обработки произведений восточной литературы создавали десятки оригинальных произведений (например, К.Шагимарданов)⁷. Значительным событием на творческом пути башкирских писателей Мухаметшы Бурангулова, Мажита Гафури, Даута Юлтыя, Тухвата Янаби, Сайфи Кудаша, Шайхзады Бабича были годы их работы в качестве мулдаке в Казахстане. Например, первый свой роман Д.Юлтый написал среди казахов, там же родились некоторые стихи С.Кудаша. Знакомство с казахским фольклором, творчеством поэтов-акынов, общение с ними оставили заметный след в творческом росте М.Бурангулова и Ш.Бабича. Так, еще молодой, начинающий поэт Ш.Бабич активно интересуется народным творчеством, слушает состязания акынов — казахских певцов-импровизаторов, записывает в свою тетрадь их остроумные и мудрые выражения, меткие слова, а также народные пословицы и поговорки, впервые знакомится с творчеством Ибрагима (Абая. — **Г.К.**) Кунанбаева и с переведенными им на казахский язык стихами М.Лермонтова, которые были включены в сборник «Стихи Ибрагима Кунанбая» («Ибрагим Кунанбай уляндары»). В своих дневниковых записях он с радостью пишет, что «ночь напролет выжимал из Муртазы-муллы пословицы и поговорки, число их достигло 79», что у башкир и казахов «есть пословицы, подобные изречениям Корана», что, увидев на листочке бумаги, подобранной на земле, пословицу, «обрадовался как ребенок, нашедший игрушку, вернулся и переписал ее в тетрадь». Далее он сообщает, что прочитав «уляны Ибрагима Кунанбая, получил истинное наслаждение, ...приравнял его про себя татарскому Тукаю, арабскому Имрялю-каисе»⁸.

Таким образом, все приведенные выше факты ярко показывают, что XIX — начало XX вв. являются одним из этапных моментов в истории башкирско-казахских культурно-литературных связей. Проживание двух родственных народов в одном социально-экономическом, политическом и культурном пространстве привело к укреплению и активизации этих связей.

⁵ Каратаев М. Мироззрение и мастерство. — Алма-Ата, 1965. — С.209.

⁶ Р.Бикбаев. Шайхзада Бабич. Жизнь и творчество. — Уфа, 1995. — С.93.

⁷ Подробнее об этом см.: Г.С.Кунафин. Башкирская литература XIX века. Вузовский учебник. — Уфа, 2010. — С.222—224 (на башк. яз.).

⁸ Ш.Бабич. Весенняя песнь. — Уфа, 1995. — С.272, 274.